Живи в зеленой жизнь!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Документальная повесть о военном пути сталинградца, старшины Ивана Федоровича Мельникова, прослужившего с апреля 1943-го до победного мая 1945-го в разведроте на передовой.

- Владимир Першанин
  - ○

Владимир Першанин
Я СЛУЖИЛ В РАЗВЕДКЕ

Повесть

Об Иване Федоровиче Мельникове я впервые узнал из короткой статьи в толстой книге о кавалерах ордена Славы. Потом получилось так, что встретил его в городской библиотеке, где проводилась встреча с ветеранами. Разговорились, встретились еще, и родился этот документальный рассказ о военном пути нашего земляка-сталинградца старшины-разведчика И. Ф. Мельникова. С его разрешения я изложил события от первого лица, так, как мне рассказывал Иван Федорович.

Родился я 19 сентября 1925 года в городе Сызрань

Куйбышевской области. Отец, инвалид Гражданской войны, умер вскоре после моего рождения, мать — рабочая. Через какое-то время мама вышла замуж, и отчим заменил мне отца. Он работал в ОСОАВИАХИМе, был добрым, хорошим человеком, позаботился о том, чтобы я получил образование. В начале лета 1942 года я закончил два курса железнодорожного техникума, немного поработал.

Я мечтал стать летчиком и приписал себе в документы лишний год. Вместе с двумя одноклассниками мы сбежали из дома и, забравшись тайком в железнодорожный состав, рванули из Сызрани в Сталинград поступать в Качинское летное училище. Когда приехали в Сталинград, оказалось, что училище эвакуировано.

Помню, как голодные бродили по городу, размышляли, что делать дальше. То, что Сталинград прифронтовой город, мы не задумывались. Не обратили внимания и на вой сирен, означающий воздушную тревогу.

Начался воздушный налет. Посыпались бомбы. Мощные взрывы поднимали столбы земли на десятки метров вверх, рушились дома. Спрятаться, залечь в какой-нибудь канаве мы не догадались, а побежали к Волге. Близкий взрыв оглушил меня, я метался по берегу, пока не сбило с ног очередным взрывом.

Очнулся на берегу без одежды, всё тело болит, в ушах звон. Контузило. Меня подобрали бойцы какой-то воинской части, отнесли в санроту. Когда пришел в себя, накормили, одели, стали расспрашивать. Я твердил, что хочу учиться на летчика. Исправлений в документах не заметили, судя по ним, мне через месяц должно было исполниться восемнадцать лет. Сталинград уже вовсю бомбили. Военной подготовки я не имел, и мне выдали предписание на учебу в город Моршанск Тамбовской области. Мол, парень грамотный, будешь учиться там на летчика.

Но в Моршанске летного училища не было. Вместе с группой ребят я попал в пулеметно-минометное училище. Моршанск, небольшой, очень зеленый городок, раскинулся на высоком берегу реки Цна. Напоминал многие провинциальные города России. В центре — двух- и трехэтажные здания, а всё остальное — частные дома с садами и огородами. Курильщики хорошо знают город по знаменитой моршанской махорке и сигаретам «Прима». Ну, а для меня с конца августа 1942 года и до апреля 1943 года он стал местом учебы.

Пулеметно-минометное училище располагалось в центре Моршанска. Несколько рот занимали большой кирпичный дом. Рота — 120 курсантов, взвод — 40. Учили нас как следует. Постигали боевую подготовку, устройство минометов и

пулеметов, расчет стрельбы, тактику боя. Например, из 82-миллиметрового миномета я сделал за семь месяцев около пятидесяти боевых выстрелов. Считаю — нормально. В других училищах, как я позже узнал на фронте, боевых стрельб проводилось куда меньше. Изучали станковые пулеметы «максим» и ручные Дегтярева.

Больше внимания уделялось всё же минометам. До войны их недооценивали. Немцы, широко применяя минометы с первых дней, наносили нашим войскам серьезные потери. Для точной стрельбы требовалось постичь целую науку. Мне в расчетах помогало полученное в техникуме знание математики и физики. Оценки по большинству предметов были хорошие и отличные.

Учёбу в училище вспоминаю добрым словом. Командиры относились к нам внимательно. Питание для военного времени было хорошим. Утром — каша, масло, сладкий чай. На обед — мясные щи, суп, каша или картошка с мясом, компот.

По окончании училища мне было присвоено звание «старший сержант». Я мог командовать минометным или пулеметным расчетом, но моя военная судьба сложилась иначе. Я попал в 202-й гвардейский полк 68-й гвардейской дивизии, входящей в состав Степного фронта. Дивизия находилась северо-восточнее Харькова. Буквально в первые дни меня «сманили» в разведку.

Слово «разведчик» всегда было окружено ореолом загадочности, какой-то тайны. В разведку брали только добровольцев. Про вылазки в тыл врага рассказывали легенды. Отважные разведчики проникали в фашистское логово, бесшумно снимали часовых и приводили ценных «языков». В апреле 1943 года мне было семнадцать лет (по документам — восемнадцать). По существу, мальчишка, не нюхавший войны. Я, не раздумывая, дал согласие и был назначен командиром отделения взвода пешей разведки. Когда меня познакомили со взводом, я сразу заметил, что наград у разведчиков больше, чем в пехоте. Не сказать, что бойцы были увешаны медалями и орденами, но более чем у половины имелись награды.

Хотя я именовался командиром отделения, науку разведки пришлось постигать с азов. Первые недели никем не командовал. Учили меня. Как организована немецкая оборона, где расположены посты, пулеметные точки. Помню утомительные дни наблюдения за передним краем противника. Глаза до того болели, что я промывал их холодной водой. Затем привык.

Командиром взвода у нас был лейтенант Федосов. Не скажу, что он был очень опытный разведчик. Дело в том, как я понял, рядовых и сержантов на офицерские должности выдвигали редко. Специальных разведучилищ не было. Командирами в разведку

назначали отличившихся офицеров из стрелковых подразделений.

Федосов воевал с лета сорок второго, был ранен, считался грамотным командиром. В разведвзвод пришел месяца за два передо мной. Меня «натаскивали» двое опытных разведчиков. Рядовой Саша Голик из моего отделения и сержант, фамилию которого я не запомнил. Голик, небольшого роста, жилистый, много раз ходил в тыл, имел две медали. Кажется, одно время был сержантом, но за какое-то нарушение был разжалован. Тем не менее это был подготовленный, обстрелянный специалист, который мог ответить на любой вопрос.

Я испытывал страх перед минами. Саша подробно рассказывал, какие мины могут встретиться, успокаивал меня.

— Нам же саперы помогают. И не думай, что мины невозможно угадать. Неделю простоят — в земле ямка образуется, и трава желтеет.

— А если мины день назад поставили?

— Значит, будет бугорок. Опять же, трава по цвету отличается.

— Попробуй её различи ночью, — вздыхал я.

Первую вылазку за «языком» я запомнил хорошо. Это произошло дней через 8—10 после моего назначения. Группа состояла из пяти человек: помкомвзвода, рядовой Саша Голик, ещё один опытный разведчик и двое нас, новичков. Было начало мая, ночи короткие. Через передний край двинулись часов в одиннадцать вечера. У всех были автоматы ППШ, гранаты, ножи. Нас сопровождали трое саперов. Доползли до середины нейтральной полосы, метров триста, и показали направление: «Двигайте туда, мин нет!».

Колючая проволока в этом месте отсутствовала, но ракет на освещение переднего края немцы не жалели. Они взлетали то в одном, то в другом месте. Некоторые медленно опускались на парашютах, и тогда несколько минут приходилось лежать неподвижно. В общем, ползли мы медленно, замирая, когда вспыхивала очередная ракета. В одном месте сильно пахло мертвечиной, в другом я ощутил под локтем металл и застыл. Оказалось, крупный осколок снаряда, врезавшийся в землю. Открыл огонь немецкий пулемет. Трассы шли далеко от нас. Значит, пока не заметили. Чем ближе была немецкая траншея, тем сильнее колотилось сердце. Я знал, что на ночь в траншеях остаются только немногочисленные часовые и дежурные пулеметчики. Однако казалось, что лезем прямо на стволы. Ещё метр, два, и ударят в упор из автоматов и пулеметов. Вот и траншея. Один разведчик остался наверху, а четверо спрыгнули

вниз.

Метрах в пятидесяти справа коротко простучал пулемет. Прижались к стенке траншеи и замерли. Я был уверен, что нас обнаружили. Ударили ещё две короткие очереди, и пулемет смолк. Старший группы изменил направление. Мы собирались двигаться влево, но оставлять за спиной пулеметную точку было нельзя. При отходе нас бы расстреляли. Зато существовала опасность, что без шума ничего не сделаем. Часовой плюс пулеметчик или два.

Так практически и получилось. Часовой вышел нам навстречу. Его схватили помкомвзвода и Саша Голик. Часового они свалили мгновенно, заткнули кляпом рот и принялись связывать. Он отчаянно сопротивлялся и, хотя кричать не мог, ударом сапога переломил жердь на стенке траншеи. Она лопнула с треском, напоминающим негромкий пистолетный выстрел.

Кстати, глушить «языков» ударом приклада не практиковалось. Во-первых, почти все немцы, включая офицеров, находились на переднем крае в касках. Во-вторых, удар по голове (если фриц в кепи) трудно рассчитать. Ударишь посильней, можно убить, а рисковать мы не хотели. Поэтому и тренировались, чтобы сразу свалить «языка», обездвижить и связать его. У опытных разведчиков всё занимало считанные минуты. Хотя большинство немецких солдат в передовых частях были крепкие, физически хорошо подготовленные, и справиться с ними было непросто.

Этот немец успел только лягнуться. Связанного, с кляпом во рту, его вытолкнули наверх. Помкомвзвода, второй сержант, крепкий рослый парень, и новичок быстро потащили пленного в сторону наших позиций. Голика и меня оставили прикрывать отход. Мы замерли. Может, всё бы и обошлось, но спустя минуты три пулеметчик что-то разглядел. Выпустил ракету, а следом длинную очередь. Мы побежали к пулеметчику. Саша с разбега ударил его ножом, потом ещё раз, нашарил документы, и мы выбрались из траншеи.

По нам открыли огонь, когда поравнялись с остальными. Залегли. Потом, развязав руки немцу, поползли, подталкивая его. Путь был выбран, в общем, удачный. По склону, где густо росла трава. Нас потеряли из виду. Два пулемета били в сторону. Но трассы шли веером, низко над землей, охватывая большой участок нейтралки. Я представил, как раскаленный пучок с легкостью прошивает тело. Вот она, смерть, совсем рядом. Ракеты вспыхивали одна за другой. Нам ничего не оставалось, как ползти. Я знал, что скоро будет небольшой уступ, а дальше низинка. Хоть бы добраться до неё!

Однако немцы разглядели группу. В нашу сторону посыпались мины. Разброс осколков у 80-миллиметровых мин довольно большой. Нас пока спасало то, что недавно прошли дожди. Мины взрывались в рыхлой почве, выкидывая осколки вверх.

Помкомвзвода ранили недалеко от наших траншей. Он упал, потом, шатаясь, побежал в рост. Поднялись с четверенек и мы. Ввалились в траншею и минут пять не могли отдышаться. Заместитель взводного был ранен смертельно. Разрывная пуля ударила в основание плеча. Перевязать это место трудно, старший сержант истек кровью по дороге в санроту. Разведчику из новичков досталось штук пять мелких осколков. Ранен был и «язык», светловолосый парень с нашивками ефрейтора. Осколок пропахал ему щеку и оторвал кусочек уха, второй — чиркнул по шее. Пленного перевязали и увели в штаб.

Скажу ещё такую деталь. Как я позже убедился, разведгруппы уходили в тыл натощак. Везде ли был такой порядок, не знаю. Но в нашем взводе мы перед выходом на задание никогда не ели. Логика простая. Человек налегке и двигается быстрее, и ползти удобнее. Играла роль и солдатская примета, что ранение в пустой живот менее опасно, чем в полный. Зато, когда вернулись, наелись от души. Разносолами нас не встречали: каша с мясом, сало, лук и граммов по двести пятьдесят водки. Кроме нас за столом сидели взводный и старшина. Большинство ребят проснулись, но за стол больше никто не садился. Лежали, курили, слушали, как прошел поиск.

Проснулся поздно. Ребята, засидевшиеся за столом, ещё спали. Их никто не беспокоил. Вскоре я узнал, что утром пленного допрашивал командир полка. Раны ефрейтора сильно кровоточили, он пытался симулировать, изображая тяжелую контузию. Потом всё же заговорил.

Начертил план обороны позиций своей роты, рассказал что-то ещё по мелочи. Командир полка остался недоволен и дальнейший допрос поручил кому-то из офицеров штаба. Про погибшего помкомвзвода коротко сказал:

— Представить посмертно к ордену.

Про нас речи не заходило. День мы втроем отдыхали. Раненого новичка отвезли в санбат. Голик достал где-то спирта. Я в то время почти не пил, лишь поддержал компанию. Мы сидели вдвоем в тени дерева, и разговор шел откровенный. Я узнал, что две недели назад почти целиком погибла группа из пяти разведчиков. Их засекли посреди нейтралки, вернулся лишь один человек. Рассказал он и о том, что помкомвзвода мечтал получить рану. Устал от войны. Вот и накликал. Только не рану, а смерть.

— Много разведчиков гибнет? — спросил я.

— Думаешь, в пехоте слаще? Сейчас вроде тихо, а когда наступление, за одну атаку половина людей в ротах убывает, — он неожиданно перевел разговор на другую тему. — А командир полка зря привередничает. Чего ему надо? Привели ефрейтора, убедились, что напротив нас та же часть стоит. Значит, перемещений пока нет, и внезапного наступления не жди. Помкомвзвода жаль. Хороший был парень и разведчик опытный.

Помолчав, Саша сказал неожиданную для меня вещь:

— Ты, Ваня, у нас новичок, хоть и старший сержант. Только вчера боевое крещение получил. Тонкостей разведки ещё не знаешь. Запомни одну вещь. У нас не принято вперед других лезть, своё «я» выставлять. Федос за разведку отвечает. Ему что ни прикажут, всё выполняет. Людей порой зря гробим, лезем, не зная броду, на мины и пулеметы, лишь бы начальству угодить. Ты научись различать, когда приказ, а когда на дурость науськивают. Ордена, звания обещают. В общем, если чувствуешь, что дело дохлое, лучше уклонись, попроси времени на подготовку, а ребят на смерть не тащи.

Я не совсем понял сказанное. Дадут приказ — куда денешься! Но что-то в голове отложилось. Понял, что лезть в герои, торопиться не надо. В конце разговора Саша Голик как бы между прочим сказал, что, наверное, ему вернут сержантские лычки, а раненый новичок в разведку не вернется.

— Сам ты как? — спросил меня.

— Ничего. Всё нормально.

Убегать из разведки я не собирался. На переднем крае тоже гибнут люди. Почти каждый день полк терял людей. То от мин, которые немцы сыпали по нескольку раз в сутки, то от выстрелов снайперов.

— В разведке можно жить, — закончил разговор Саша Голик. — Мы хоть спим по-человечески. Ты парень грамотный, крепкий. Держись поближе ко мне.

Мы пожали друг другу руки. Так я приобрел хорошего боевого друга. Мы были разные. Саша Голик закончил пять или шесть классов, вырос в глухой деревушке в Саратовской области. В нем не было рисовки, излишнего самомнения, хотя он имел немалый боевой опыт и две медали. Саша подмечал многое. Рассуждал по-крестьянски практично и хотел не только нормально воевать, но и выжить. Голик оказался прав в своих предположениях. Новичок, которого мы навестили в санбате, явно притворялся, что ранения тяжелые, жаловался на слабость и боли в голове. В разведку он возвращаться не собирался, а позже, прикрываясь ранением, сумел попасть в полковой обоз.

В то время я презирал таких людей. Позже стал понимать их, сделался более терпимым. Саше Голику вернули за удачный поиск сержантские погоны и назначили командиром отделения. Фактически же он исполнял обязанности помощника командира взвода. Меня это устраивало.

Если на участке нашего полка в мае сорок третьего стояла относительная тишина, то для меня месяц был заполнен большими и мелкими событиями. В течение мая я трижды ходил в поиск. Первый раз неудачно. Нас обстреляли, ранили разведчика, второй влез локтем на мину. Ему оторвало руку и снесло полголовы. Немцы открыли сумасшедший огонь из пулеметов, погиб ещё один разведчик. От полного уничтожения группу спасла густая трава, в которой мы затаились.

Когда делали «разбор полетов», выяснилось, что парень, попавший на мину, растерялся, пополз в сторону мимо отмеченного саперами прохода.

Вторая вылазка завершилась удачно. Мы выкрали часового и благополучно доставили к своим. Я был в этом поиске заместителем Голика. Меня хвалили и говорили, что становлюсь настоящим разведчиком. Конечно, это было не так. Чтобы стать специалистом в разведке, требуются месяцы и постоянная тренировка.

Третья вылазка тоже завершилась взятием «языка». Один разведчик был убит. «Язык» сообщил в штабе какие-то ценные сведения. Меня представили к медали «За отвагу», которую я вскоре получил. Я очень гордился этой наградой.

Медаль «За отвагу» высоко ценилась среди бойцов и офицеров. Давали её за конкретные боевые дела на поле боя с указанием, что совершил представленный к медали. Кстати, в сорок третьем (по крайней мере, в первой половине года) наградами никого не баловали. Представляли многих, но получали награды единицы. Больше ограничивались благодарностями.

А вскоре я вляпался в ситуацию, которая едва не стоила мне жизни и лишний раз показала, что разведка очень непростое дело.

В обязанности разведчиков входило наблюдение за передним краем. Каждый день несколько человек выползали на нейтралку и следили в бинокли за немецкими позициями. Действовали, как правило, парами. Если несколько раз вылазки обошлись для меня с напарником нормально, то в очередную вылазку мы выбрали неудачную позицию, закопавшись под тяжелый немецкий бронетранспортер. Сгоревшая во время мартовского наступления немцев восьмитонная машина уткнулась остатками передних

обугленных колес в землю. Шестиметровый корпус более чем наполовину защищали снизу гусеницы и металлические, в полтора ряда, колеса. Чем не укрытие!

Я не учел одного. Раньше мы прятались в незаметных окопчиках среди кустов и далеко вперед не выползали. В этот раз подобрались метров на триста к немецким траншеям. Сквозь просветы в гусеницах я отлично видел лица врагов. На участке длиной в полкилометра я насчитал шесть пулеметов, в том числе один крупнокалиберный. Два из них были хорошо замаскированы и раньше огонь не вели. Я с удовольствием нанес пулеметные точки на карту. Нас заметили ближе к вечеру. Или уловили отблеск бинокля в лучах переместившегося к западу солнца, или мы слишком много двигались, разминая затекшие мышцы.

Сначала влепили несколько пулеметных очередей. Пули плющились, рикошетили от металла. Мы затаились. Потом заработали минометы. Мина взорвалась, влетев в открытый десантный кузов, в метре над нашими головами. Ощущение было как от удара молотом по железной бочке. Минометный обстрел мы выдержали, даже приободрились. Но за нас взялись крепко. Ударила с закрытой позиции 75-миллиметровая пушка. Это было серьезнее. По нам выпустили десятка два снарядов. Несколько штук снесли верх кузова, разорвали его почти пополам. Два фугаса рванули под гусеницами. Вышибло металлическое колесо, меня отбросило в глубину нашей норы. Я оглох, у обоих текла кровь из носа и ушей. По движению губ я уловил фразу, которой напарник оценил мою сообразительность:

— Хорошее место выбрал, старшой. Здесь нас и закопают.

Он был недалек от истины. Под прикрытием пулеметных очередей к нам ползли трое немцев. Бронетранспортер служил им прикрытием от огня из наших траншей, до которых было полкилометра. До немцев, как я упоминал, метров триста. С моей стороны было непростительной авантюрой лезть под нос фрицам, да ещё тащить за собой подчиненного. Конечно, мы много разглядели за день наблюдения. Но что стоили эти сведения, если мы оказались в ловушке!

А трое немцев умело и быстро ползли к нам. Какую гадость от них ждать, можно было только догадываться. Забросают бутылками с горючей смесью, и поджаримся живьем. Им, небось, и кресты и отпуска за ликвидацию русских разведчиков пообещали. Мы открыли огонь из автоматов. В щель от выбитого колеса сразу полетели пули немецкого МГ-2. Напарнику пробило насквозь щеки. Он лежал на дне окопчика и отплевывался кровью. Я выпустил остаток диска наугад, вставил запасной и переполз к передним колесам.

Кто видел, как бьет автомат ППШ, представляет клубок пламени, вылетающий из ствола и отверстий кожуха. Отличная мишень! Меня снова загнали в окоп, но кого-то из немцев я крепко зацепил. Продолжал стрелять, меняя места, держа автомат над головой. Меня и напарника спасли наши минометчики, открыв беглый отсечный огонь. Мы вылезли из-под бронетранспортера и сумели отползти метров на семьдесят. С час пролежали в глубокой воронке. Я почти оглох и, выкопав выемку, наблюдал за немецкими траншеями, готовый открыть огонь, если нас попытаются взять живыми. Напарник мучался от боли, стонал, рвался куда-то бежать, пока не получил пулю в руку. Начало смеркаться, и мы кое-как доползли до своих.

Эта разведка стала для меня уроком. Кстати, реакция на результаты была разная. Лейтенант Федосов нанес на карту замеченные нами огневые точки и хвалил меня за решительность. Потом сразу пошел к начштаба, докладывать о результатах. Саша Голик после ужина, когда я немного успокоился, отчитал меня:

— Ты головой соображаешь? Залез фрицам под самый нос. Ведь я тебя предупреждал: есть смелость, а есть глупость. Тебя сегодня Бог спас, а напарник в госпиталь угодил.

Видя, как я сник, Саша обнял меня, сказал, что я смелый парень. На этом инцидент был исчерпан. Кстати, утром перед строем лейтенант Федосов объявил мне благодарность за добытые важные сведения. Но я уже получил от Голика и остальных старых разведчиков оценку своего «подвига». Благодарность выслушал и коротко ответил, ни на кого не глядя:

— Служу трудовому народу!

Как и положено по уставу.

Была середина июня. В воздухе висело предчувствие большого сражения, которое позже назовут Курской битвой. Мы стояли южнее Курского выступа. Наша дивизия входила в состав резерва Главного командования. Большинство подразделений находились в 15–20 километрах от линии фронта. Полк также отвели во второй эшелон. Несмотря на удаленность от переднего края, все подразделения спешно окапывались, рыли глубокие щели.

Наш взвод вел наблюдение. Не за немцами, а скорее выполнял функции специальных постов и патрулей. Мы проверяли документы у водителей машин, следующих вне воинских колонн, задерживали подозрительных военнослужащих, гражданских лиц.

В сентябре 1943 года, когда шло наступление, часть бойцов и командиров нашего полка передали из 4-й армии резерва Главного командования в 1235-й стрелковый полк, входящий в

состав 52-й армии. Пополняли части, понесшие серьезные потери в ходе Курской битвы и дальнейшего наступления. Я попрощался с Сашей Голиком, другими ребятами и вместе с группой солдат, сержантов и офицеров прибыл на новое место службы. Такой же разведвзвод, и должность та же — командир отделения пешей разведки.

Командиром взвода был старший лейтенант Чистяков. Коротко стриженный, в пилотке, легких брезентовых сапогах, он встретил меня доброжелательно. Познакомил со взводом, расспросил о службе и сказал, что нуждается в опытных разведчиках. Опытным я себя не считал. Но если учесть, что половина взвода были новички, то здесь на меня смотрели как на бывалого командира отделения.

Я откровенно рассказал, что в поисках участвовал всего несколько раз.

— Ничего, — успокоил меня Чистяков. — Войну ты уже понюхал, под огнем побывал. Медалью «За отвагу» так просто не награждают. А что лишнего не хвалишься, это хорошо.

Чистяков был более опытным командиром, чем Федосов, более решительным, изобретательным. Он «перетягивал» к себе во взвод саперов, радистов, артиллеристов. У нас был свой переводчик, хоть и не слишком большой знаток, но умевший перевести нужные вопросы и ответы. Хотя взвод считался пешим, Чистяков обзавелся двумя трофейными мотоциклами. Имелось достаточное количество биноклей и хорошая стереотруба. Автоматы были наши, пистолеты и ножи у некоторых разведчиков — трофейные.

Фронт на участке армии какое-то время стоял на месте. Мы находились километрах в восьмидесяти от Полтавы. Расстояние до немецкого переднего края составляло от 400 до 700 метров. Мощных укреплений противник возвести не успел. Спешно минировались подходы, немцы устанавливали по ночам бронеколпаки, зарывали в землю танки.

Два дня я вёл вместе с отделением наблюдение за передним краем, а затем был направлен с группой за «языком». Полковая разведка действовала очень активно. Зная, что скоро возобновится наступление, такие группы посылали часто. Командир полка требовал информацию о тех войсках, которые нам противостоят. Группу возглавлял сержант Михась, белорус из-под Орши. Вначале я думал, что это его имя, оказалось — фамилия. Так его все и называли. Жилистый, с очень сильными цепкими руками, он имел немалый опыт и напоминал мне Сашу Голика. Два человека были из моего отделения. Ваня Уваров, тоже крепкий парень, до войны занимался борьбой. В группе был

ещё паренек из-под Казани. Фамилию его я не запомнил.

Каждая вылазка за «языком» — словно нырок в холодную воду. Заранее представляешь, как ползешь через нейтралку, замираешь при свете ракет, а что ждет впереди, один Бог знает. Мы взяли зазевавшегося часового и благополучно вернулись. По нам открыли огонь, когда группа уже была рядом с нашими траншеями. Помню, что пленного вначале допросили прямо в землянке Чистякова. Как вели себя пленные? Они прекрасно знали — если начнут отпираться, изображать героев, хорошего не жди. Говорить всё равно заставят, а за упрямство могут и расстрелять.

Отмечу сразу, даже в сентябре сорок третьего года, когда мы наступали, фрицы не чувствовали себя побежденными. Их вера в Гитлера была крепкой. Кроме того, они боялись за своих близких, которых могут отправить в концлагерь за «предательство». Тот пленный изворачивался, плел очевидные вещи, которые мы знали и без него. Потом разговорился, но мы никогда не верили пленным. Поэтому всегда старались взять контрольного «языка».

А вот с контрольным у нас получилась неувязка.

В ночь, когда я отдыхал, на другом участке предприняли новую вылазку. Немцы осветили передний край «люстрами». Так мы называли большие светящиеся ракеты, которые запускали из минометов. «Люстры» медленно опускались на парашютах, заливая всё вокруг ярким светом. Разведгруппа оказалась как на ладони. Несмотря на то, что ребята лежали неподвижно, по ним открыли такой огонь, что они вынуждены были отползать. Четверо разведчиков погибли, а двое оставшихся в живых получили ранения.

Командир разведки полка и наш взводный Чистяков собрали сержантский состав взвода, обсуждали причины трагической неудачи.

— Нельзя каждую ночь людей гонять, — сказал один из сержантов.

Капитан, начальник разведки, его не оборвал, а терпеливо объяснил, что сейчас такая ситуация. Вот-вот начнется наступление, а мы не знаем, кто перед нами.

— Давайте на разведке выезжать! — раздался тот же голос. — Четверых угробили, посылайте ещё.

— Не возьмем контрольного «языка», пошлют роту и две в разведку боем. Там не четверо, а все сорок или шестьдесят за паршивого «языка» полягут.

Это вмешался Чистяков. Он спокойно разобрал случившееся. Пришли к выводу, что надо было лежать и не шевелиться. Немцы случайно в кого-то попали, а остальные задергались. Поэтому и

постреляли группу, как в тире. С одной стороны, лейтенант был прав, а с другой… попробуй лежать неподвижно, когда в тебя из пулеметов садят.

Двое суток мы наблюдали за передним краем. Я получше познакомился с взводом, своим отделением. Ребята хорошо отзывались о командире взвода. Авторитетом пользовались сержант Михась, помкомвзвода Василий Бессчетных. Отдельно упоминали кавказца, я запомнил только его национальность — табасаранец. Одна из небольших народностей, насчитывающая тысяч семьдесят человек. Он держался немного в стороне от других и был знаменит тем, что в разведку ходил только один. «Языков» приводил плотно замотанных капюшоном, а руки связывал тонким сыромятным ремешком.

Михась до войны жил под станцией Орша. Семья осталась в оккупации, а сам он сумел выбраться на одном из последних эшелонов. Видел, как станцию бомбили немецкие самолеты. Получилось так, что Михась и Ваня Уваров стали моими близкими друзьями. В разведке вообще отношение друг к другу очень теплое. Хотя вначале присматриваются и принимают в коллектив после совместных вылазок в тыл, где человек быстро проявляется. Случалось не раз такое, что ребят отчисляли. Но об этом позже.

Вторая вылазка за контрольным «языком» закончилась так же неудачно. Немцы выдвинули метров на сто вперед боевое охранение. Нас обстреляли из пулемета уже издалека. Поднялся шум, и мы от греха убрались назад в траншею.

Стало ясно, что в ближайшее время ночная охота ничего не даст. Было принято решение сделать это днем.

Дело в том, что сентябрьское наступление, всё больше отодвигая линию фронта на запад, практически полностью не прекращалось. На одних участках фронт ненадолго замирал, шло срочное пополнение полков людьми и техникой. На других — удары продолжались.

Немцы, ранее избегавшие оставлять свои части в окружении или полукольце на опасных выступах, чтобы не попасть в «котел», теперь оборонялись с ожесточением. По правому берегу Днепра строился знаменитый Восточный вал, система мощных укреплений.

Главной задачей немецких частей являлось замедлить наступление Красной Армии, дать возможность перебросить через Днепр как можно больше людей и тяжелого вооружения.

Один из таких выступов образовался перед нами. Немецкая оборона врезалась в наши позиции метров на семьсот. Прямоугольник шириной не более четырехсот метров насквозь

простреливался нашими орудиями и пулеметами. Немцы упорно за него держались, хотя несли большие потери. Взять этот «прыщ» было нелегко: болотистая речка, бронеколпаки, блиндажи, минные поля. Подготовка к наступлению ещё не была завершена, но полк уже располагал достаточным количеством артиллерии и тяжелых минометов. Вряд ли из-за «языка» командование дало бы разрешение на операцию. Силы копились для наступления. Но этот «прыщ» мешал всей дивизии, и его решили подрезать.

Ближе к вечеру открыли огонь гаубицы и тяжелые минометы. Огонь обрушился на среднюю часть прямоугольника. Одновременно имитировалась подготовка к атаке с обеих сторон. Немцы не стали рисковать жизнями нескольких сотен своих солдат и офицеров. Начался отвод людей в сторону основных позиций. Фрицы отступали организованно, но сильный огонь вносил сумятицу. Отход превращался кое-где в бегство. Всё это происходило на небольшом пятачке. Пока пехотные роты имитировали атаку, два отделения разведвзвода и группа саперов проникли на восточный край пятачка. Почти все немцы его уже покинули. Спешно взрывали бронеколпаки, блиндажи, поджигали из огнеметов прибрежный лес, кустарник. Перед этим Чистяков пытался убедить командира полка провести атаку силами одной из двух пехотных рот, но получил отказ.

Пехоту у нас никогда не жалели, посылая в лобовые атаки. Но перед наступлением действовал приказ беречь людей. Сверху решили, что пока не время вводить в бой стрелковые роты. Возможно, это было правильно. Хотя немцев осталось мало, пулеметов у них хватало.

Мы перебрались по колено в грязи через пересохшую речку и сразу попали под огонь. По существу, для меня это был первый открытый бой. Запомнились отдельные эпизоды. Упали сразу двое саперов и один из разведчиков. Кто-то поднялся, пули вырвали клочья из гимнастерки на спине, и человек вновь ткнулся лицом в землю. Моё отделение шло через кусты, которые с одного края горели. Показались убегающие фигуры, мы открыли огонь. Сгоряча забыли, что нам нужен «язык». Я крикнул: «Стреляйте по ногам!».

Рядом со мной упал разведчик. Пули попали ему в лицо и горло. Ранения были смертельные, он умер у меня на глазах. Не дай Бог кому видеть агонию умирающих людей, которым невозможно помочь! Всё сжималось внутри от страха и ненависти. Пулемет продолжал бить в нашу сторону, мы отвечали автоматными очередями. Неподалеку вел огонь ещё один пулемет. Чистяков подбежал ко мне и показал направление.

— Заткни его! И постарайся взять кого-нибудь живьем.

Я разделил отделение на две группы. Поползли, огибая пулеметные вспышки с двух сторон. Укрытие у немцев было довольно простое, но крепкое. Бетонная плита, уложенная поверх окопа, узкая амбразура на высоте полуметра. Обзор у пулеметчиков был неплохой, учитывая, что гнездо располагалось на бугорке. Когда ползли, вдруг увидели немца. В руках он держал трубу огнемета, за спиной висел увесистый баллон. Расстояние не превышало метров пятнадцати. Нас было четверо. Если бы фриц успел заметить группу, то сжег бы нас за несколько секунд. На войне кому-то везет, а кому-то нет. Немец стоял к нам спиной, когда услышал шаги, было поздно. Мы открыли огонь все четверо. В огнеметчика попало не меньше двух десятков пуль. Он свалился на подломившихся ногах, как кукла. Загорелся баллон, из гибкого шланга, пробитого пулями, брызнули струйки огненной жидкости. А в нашу сторону снова ударил пулемет. Он стрелял под углом, но зацепил одного разведчика.

Мы оттащили парня за кусты. У него были пробиты рука и ладонь. Сильно текла кровь, я оставил второго разведчика перевязать раненого. Вдвоем с Ваней Уваровым поползли, огибая пулеметное гнездо. Здесь мы уже действовали спокойно. Зайдя с тыла, бросили две гранаты — перед амбразурой и у входа, защищенного не слишком толстой металлической дверью.

С полсотни слов по-немецки я знал и предложил немцам, сидевшим в доте, сдаваться.

— Солдаты, — закричал я. — Не тронем мы вас. Вылезайте быстрее, пока остальные не подоспели. Гранатами забросают.

Так бы оно и случилось. Наступающей пехоте было наплевать на «языков». В атаках пленных не брали. Фрицы это поняли. Двое, поддерживая друг друга, выбрались через щель между смятой дверью и косяком. Оба были контужены, но передвигаться могли. Я сразу же отправил их, как было приказано, в сопровождении разведчиков в штаб полка. Втайне надеялся, что нас наградят. Всё же пленных мы взяли в бою, неся потери.

Не поленился заглянуть в нору, где сидели пулеметчики. Укрепление хоть и не дотягивало до полноценного дота, но было сделано добротно. Земляные стены укреплены бревнами, амбразура прикрывалась заслонкой толщиной сантиметра четыре. Пулемет МГ-42 с оптическим прицелом стоял на треноге. Меня поразило количество боеприпасов. Не меньше двадцати коробок с пулеметными лентами, несколько цинковых ящиков с патронами, ящик с небольшими круглыми гранатами, величиной с гусиное яйцо. На гвозде висели противогазы и огнетушитель. Ваня собрал несколько банок консервов и сложил их в брезентовую сумку. Ящик с подходящими для нас компактными

гранатами придвинул к ногам. Командир пехотного взвода, парень года на два постарше меня, попытался наложить лапу на пулемет.

— У нас всего один «дегтярь» во взводе остался, — пояснил он.

Я был злой на пехотинцев. По существу, нам пришлось воевать вместо них, мы потеряли несколько человек убитыми. Посоветовал младшему лейтенанту выметаться. Трофеи, в том числе пулемет, принадлежат нам. Пулемет мне был не нужен. Разведвзводу он не полагался по штату. Мы и автоматы трофейные держали на всякий пожарный. Глядя фильмы о разведчиках, сплошь вооруженных немецкими МП-40, скажу, что это ерунда. Пользоваться трофейным автоматом опасно. Можно словить гранату или ответную очередь от своих. Поэтому мы брали с собой только ППШ, а позже легкие и удобные автоматы Судаева. К сожалению, их поставляли в 1943 году очень немного.

— Брось, земляк, — почуял моё настроение младший лейтенант. — Зачем разведке пулемет? Хочешь, я тебе часы хорошие подарю?

Часов у нас хватало. Но взводный подарил мне действительно хорошие австрийские часы, со светящимися стрелками и компасом. Впрочем, пулемет мы бы всё равно ему отдали. Бойцы быстро собрали сошки, корпус МГ-42 с запасным стволом и двумя затворами в отдельном футляре. Немцы пунктуально предусматривали всё для бесперебойного огня пулемета вплоть до сменных частей.

Всего разведвзвод захватил четырех «языков». Через сутки началось общее наступление. Сомневаюсь, что от наших пленных была великая польза. Ведь планы заранее были утверждены на уровне командования фронта. Если бы даже немцы сообщили сверхсекретные сведения о наличии огромного числа орудий и мощных укреплений, вряд ли наступление бы отменили. В любом случае данные, полученные от «языков», сыграли положительную роль. Наступали не вслепую. Нашему взводу эта вылазка обошлась дорого. Мы похоронили пятерых погибших разведчиков, ещё семь или восемь убыли в санбат. Только что укомплектованный взвод потерял треть личного состава. Получил второе ранение и лейтенант Чистяков. Несмотря на это, он снова остался в строю.

Наша дивизия в числе других войск наступала на Полтаву, которую немцы превратили в крупный укрепленный пункт. Разведка двигалась в первых рядах, вместе со штурмовыми отрядами. Пешком мы бы не успевали. Кроме двух мотоциклов, нам выделили полуторку. Ещё один мотоцикл мы захватили у

отступающих немцев.

Какая задача у разведвзвода в наступлении? Та же. Быть глазами и ушами полка.

Мы мотались по проселочным дорогам, выискивали узлы обороны, артиллерийские заслоны и тут же сообщали о них командованию. Иногда шли вместе с танкистами и десантниками на броне. Здесь я увидел ещё одну сторону войны. Как дерутся и гибнут в горящих машинах танкисты.

К сожалению, к лету сорок третьего года немецкие «тигры» и «фердинанды» по большинству показателей превосходили Т-34. Этих машин у немцев было сравнительно немного, зато сильной противотанковой артиллерии хватало. Я видел, как фрицы подбивали наши танки с такого большого расстояния, что трудно было засечь вражеские орудия и самоходки. Разведчики не имели права ввязываться без крайней нужды в бой. Танкисты же во время наступления на Днепр практически не выходили из боя.

Скажу откровенно, что жестокость танковых боев меня потрясла.

Никому (кроме штабных прилипал) не приходилось легко в той войне. Но что чувствовали в тесных железных коробках люди, идущие под огонь орудий, можно только представить. Однажды я увидел сразу десять или одиннадцать сгоревших «тридцатьчетверок». Жуткое зрелище. Почти все трупы, лежавшие рядом, сильно обгорели. А уж что осталось от тех, кто был внутри, лучше не рассказывать. Головешки, комки угля.

Мы тоже несли потери. Если разведка не замечала вовремя засаду, нас немцы пропускали. Ожидали передовые части. Но ребята, оказавшиеся в кольце, как правило, были обречены. Так получилось с группой из четырех человек на двух мотоциклах. Они шли на М-72 с коляской и на одиночном трофейном «зюндаппе». Ребята не заметили закопанные на обочине дороги два «фердинанда». Наших разведчиков пропустили. Фрицы не стреляли даже из пулеметов, когда они подъехали к хорошо замаскированным траншеям. Ребята увидели немцев с запозданием, уже приближались наши головные танки и грузовики с пехотой. Дали красную ракету, но было поздно. Дальнобойные орудия «фердинандов» подбили и сожгли четыре танка и несколько грузовиков. Чудом вырвался один из разведчиков на «зюндаппе» без коляски. Гнал под пулями по степи. Когда вернулся, его едва не расстреляли. Спасло то, что разведчик был ранен, а мотоцикл сплошь исклеван пулями.

Тот солнечный сентябрьский день стал для нашего полка «черным днем». На дороге горели танки. Кроме «фердинандов» открыли огонь с закрытых позиций гаубицы и тяжелые минометы.

Снаряды и мины добивали разбегающихся бойцов, которые даже не видели, откуда стреляют. Развернули батарею 76-миллиметровок, но «фердинанды» они взять не могли, слишком толстая броня. Не успевшие окопать свои орудия артиллеристы гибли от попаданий 88-миллиметровых снарядов.

Всю батарею уничтожили меньше чем за полчаса. Среди воронок и перепаханной земли торчали согнутые стволы, нелепо задранные вверх станины, лежали тела погибших артиллеристов.

Но свою задачу они выполнили. Местонахождение «фердинандов» и немецких гаубиц было установлено. По их позициям открыли огонь наши шестидюймовые гаубицы, а затем с тыла атаковали танки и пехота. Позже мы проходили мимо. Оба «фердинанда» догорали, огромные массивные машины с шестиметровыми пушками, способными пробить броню наших танков за два километра. С десяток гаубиц были смяты, расплющены орудийным огнем и гусеницами танков. Угадывались серые пятна убитых немецких артиллеристов. Бой был жестоким, пленных после него не осталось.

В тот день полк потерял погибшими более двухсот человек. Кроме самоходок, минометов и гаубиц, немцы вели огонь из пулеметов. Все они были уничтожены, раздавлены вместе с расчетами. Кто-то пытался спастись на грузовиках и легких вездеходах, но мало кому удалось уйти. Быстроходные «тридцатьчетверки» оставили на обочинах цепочку догорающих машин и десятки немецких трупов.

Командир полка отчитал Чистякова, сгоряча грозил трибуналом за то, что разведка прозевала немецкий заслон. Трудно определить степень вины наших разведчиков. Почти все попавшие в засаду ребята погибли, а «фердинанды» открыли огонь с расстояния более километра. На таком расстоянии, да ещё на ходу трудно различить хорошо замаскированные, закопанные в землю самоходки. А гаубичный дивизион вообще находился за пределами видимости, укрытый холмами. Были допущены ошибки и танкистами.

«Разбор полетов» не проводили. Похоронили погибших и двинулись дальше. Чистяков и все мы переживали случившееся. Но во время наступления немцы постоянно оставляли засады и сильные заслоны. Каждую засаду вовремя не обезвредишь. Война есть война. Ваня Уваров сказал мне так:

— Прём вперед без остановки, вот и влетаем. А с другой стороны, как не спешить, если фрицы за Днепр свои войска спешат перебросить. За рекой один немец троих будет стоить. Бить их надо, сволочей, пока не переправились.

Двадцать третьего сентября была освобождена Полтава. Мы

на двое суток задержались на её окраине. Ремонтировали технику, отсыпались после нескольких бессонных ночей. Обсуждали тот случай. Сержант Михась говорил, что глупо винить разведчиков, которые погибли и всё же подали сигнал об опасности. Во время стремительного наступления такие вещи неизбежны. А нас все дни гнали без остановок: «Вперед! Нельзя давать немцам передышку». В честь взятия Полтавы хорошо выпили. Чистяков, загибая пальцы, перечислял погибших из разведвзвода. Текучка была страшная. Кто продержался полгода, считался старожилом, а с сорок второго года остались двое или трое разведчиков.

За освобождение Полтавы в дивизии многих награждали. После того случая с «фердинандами» мы, разведчики, оказались вроде как в опале. Начальник штаба и его помощник по разведке побывали у нас. Посмотрели на наш поредевший взвод.

Сам Чистяков, худой, желтый, после двух ранений оставшийся в строю, попросил пополнения. Начальник штаба не ожидал, что мы несли такие потери.

— А чего удивляться? — усмехнулся лейтенант Чистяков. — Нас же гонят и вместо пехоты. Воюем…

Напомнил, как мы брали «языков», потеряв в бою пятерых убитых и несколько тяжелораненых. Начальник штаба имел влияние на командира полка. Пополнение нам дали. Мало того, Чистякова наградили орденом Отечественной войны, а пять-шесть разведчиков — медалями. Среди них был и я. Получил вторую медаль «За отвагу». А пополнение? Что толку с необученных ребят? Так, для количества. Учили их на ходу, так как дивизия и полк непрерывно вели наступательные бои.

На подступах к Днепру полк двигался пешим порядком. Но шли быстро, останавливаясь на короткие ночевки и дневные привалы по пятнадцать-двадцать минут. У бойцов разваливались ботинки. Подвязывали подошвы проволокой.

Несмотря на то, что шел конец сентября, было по-южному тепло, почти жарко. Бойцы шли мокрые от пота, некоторые падали от усталости. Хорошо, что часть боеприпасов перегрузили на подводы, захваченные у отступавших фрицев.

В то же время ночи стояли холодные, ночевать было негде. Практически все посёлки и отдельные дома сжигались немцами при отступлении. Поверьте, что сон при температуре плюс 6–8 градусов, да ещё на голой земле, почти невозможен. Люди падали от усталости, а ночью просыпались от холода. Зажигать костры запрещалось. Немецкие ночные бомбардировщики не дремали, из темноты на огонь не раз летели бомбы.

В тот день мы двигались, как обычно, «гребенкой», охватывая

группами главный шлях и боковые ответвления, более или менее наезженные проселочные дороги. По одной из боковых дорог шла наша полуторка, в которой находился я и ещё несколько разведчиков. Остальной взвод «пешей» разведки двигался на мотоциклах и лошадях. Мы, словно пальцы огромной ладони, ощупывали путь впереди полка. Миновали очередной сожженный хутор: остатки глинобитного дома с рухнувшей крышей, сгоревшие сараи, гумно. Очень хотелось пить, но в колодец немцы бросили дохлую лошадь. Из глубины шла дикая вонь. Других источников или ручьев поблизости не было. Облизнули потрескавшиеся губы, глядя, как водитель заливает в радиатор холодную, но отравленную заразой воду. Даже огород с помидорами и бахча с арбузами были смяты колесами и гусеницами машин.

Нашли несколько расколотых арбузов, немного помидоров, разделили на всех. Нас было человек восемь-девять: два сапера, помкомвзвода Бессчетных, я, Ваня Уваров и ещё трое-четверо разведчиков. Единственная рация во взводе была у лейтенанта Чистякова, двигавшегося по основной дороге. Мы же в случае опасности обязаны были подать сигнал красными ракетами.

Миновали хутор. За нами увязалась собачонка. Мы бросили ей несколько кусков хлеба. Она глотала их на бегу, не жуя. Хотя до Днепра оставалось не меньше тридцати километров, мы на каждом бугре вставали в рост — не видна ли голубая полоска реки. Все с нетерпением рвались к Днепру. А чего рваться? Дойдем, а там начнется переправа, во время которой людей гибнет больше, чем в атаках.

У одного из бугров вдруг увидели отходящий немецкий обоз. Шесть больших подвод на резиновом ходу, ездовые, цепочка солдат человек двенадцать. Вооружены мы были хорошо. Кроме автоматов, имели трофейный чешский пулемет «зброевка» и наш «дегтярев», снятый с подбитого танка. Немцы, заметив нас, замерли. Мы с ходу открыли огонь и на полном газу кинулись догонять обоз. Немцы дали несколько ответных очередей. Человек пять бросились убегать, остальные стояли у повозок с поднятыми руками. Кого-то из бегущих мы достали пулеметным огнем, один или два нырнули в неглубокую балку.

Согнали пленных в кучу. Винтовки и автоматы они уже сложили на землю. Прежде всего мы искали воду. Нашли несколько канистр. Я выпил литра два.

В подводах было разное имущество: шинели, брезент, телефонный кабель, несколько ящиков с патронами. Короткий допрос пленных ничего не дал. Они объяснили, что уже неделю отступают и ничего не знают о других частях. Посадили двух

унтеров и одного солдата постарше в полуторку и в сопровождении двоих разведчиков отправили в полк. В любом случае «языки» были нужны.

Помню, почти все переобулись в добротные немецкие сапоги с подковами. Портянки прилипали к коже и отрывались клочьями. Не пожалели воды, обмыли сбитые, кровоточащие ноги. Надрали материи на портянки, кто-то надел по две пары носков, найденных в телегах. Искали еду, но, кроме куска сырой подсоленой свинины, ничего не нашли. Следом за полуторкой отправили подводы с остальными пленными, тоже в сопровождении конвоя. Осталось нас пятеро: Бессчетных, Ваня Уваров, я и два сапера. Пошли пешком. Надеялись, что «полуторка» скоро вернется. Шагали бодро, в новых сапогах, фляги с водой полные. Да и вообще наступление поднимало дух.

На правый берег Днепра мы перебирались ночью через понтонный мост. На берегу наши войска уже захватили плацдармы, саперы навели переправу. Нам не пришлось форсировать реку на плотах под огнем противника. Но вскоре я был ранен.

Проводили разведку и зашли в небольшое сожженное село. Нас было человек семь вместе с саперами. Местность вокруг оставалась пока ничейной. Немцы отступили, а наши ждали результатов разведки. Слишком часто натыкались на засады и мины. Поэтому части двигались осторожно. По нам открыли огонь из пулемета. Стреляли издалека. Тактика у немцев была примерно такая: сильным огнем заставить нас залечь, потянуть время, пока мы вызовем подмогу, а потом исчезнуть.

Мы решили разделаться с пулеметом самостоятельно и, если удастся, взять «языка». Разделившись на две группы, осторожно обошли пулеметное гнездо с флангов. Пулеметчики заметили меня и развернули стволы. Что-то ударило по ноге. Боли вначале не почувствовал, потом стало жечь в голени. Сильно текла кровь. Меня перевязали. Повезло, что не перебило кость.

Я остался лежать, а ребята забросали пулеметчиков гранатами. Было уже не до «языка», так как ранили ещё одного разведчика. Я доковылял до развороченного гранатами окопа. Помню, зажимая дырку во фляжке, мне дали выпить рома. Я сделал несколько глотков, невольно поглядывая на изрешеченные осколками тела немецких пулеметчиков. Хоть «языка» и не взяли, зато не подставили под удар передовую роту.

Около месяца я лечился в медсанбате. Когда выписали, нога ещё толком не зажила, и меня прикомандировали к военной комендатуре. Это была как бы небольшая передышка от войны, но здесь мне пришлось захватить кусочек знаменитого Корсунь-

Шевченковского сражения в феврале сорок четвертого года. Многие знают картину известного художника П. А. Кривоногова «Корсунь-Шевченковское побоище». Бескрайнее заснеженное поле, заваленное трупами немецких солдат и разбитой техникой. Это было место прорыва, куда устремились из «котла» окруженные немцы.

Часть из них прорвалась, но потери немецких войск были огромны. Чтобы перекрыть все выходы из окружения, кроме регулярных частей, формировались отряды и группы из выздоравливающих раненых, тыловиков, работников штабов и комендантских подразделений. Я командовал в звании старшины отрядом в шестьдесят человек. Что-то вроде усиленного взвода. У нас имелся «максим», два ручных пулемета, мы поддерживали батарею 76-миллиметровок.

Лежали прямо в снегу, выкопав окопчики в колеях от машин, укрывшись в воронках. Батарея вела непрерывный огонь. «Студебекер», подвозивший боеприпасы, загорелся. Ящики со снарядами сбрасывали прямо в снег. Потом водитель, отчаянный парень, отогнал грузовик в сторону. Я видел, как он ехал на горящих шинах, а когда спрыгнул, огненным шаром взорвался топливный бак.

Я стрелял из автомата. Выпустил все три диска. Перезаряжать их не было времени. Я взял автомат погибшего бойца, потом винтовку. Стреляли все непрерывно, хотя многие не имели опыта. Немецкий танк пошел прямо на батарею, разбил одно орудие (второе было повреждено миной) и вспыхнул метрах в ста двадцати от наших позиций. Немцы прорывались отчаянно. Правее нас опрокинули и полностью уничтожили стрелковую роту. В прорыв устремились сотни немцев. Мы стреляли им во фланг, многие падали, остальные продолжали бежать.

Меня позвали к парторгу. Пожилой мужчина был ранен четырьмя пулями в руку и шею. Он считал, что умирает, пытался что-то сказать, передать документы. Я увидел, что крупные артерии на шее не задеты, помог его перевязать, и заверил, что он будет жить. Натиск немцев к тому времени немного ослаб. Я подозвал крепкого рослого бойца, дал ему в помощь двух легко раненных, и мы отправили парторга в санбат. Воевал он, кстати, смело. Утоптанный, пропитанный кровью снег возле него был засыпан стреляными гильзами.

Мы провели в дозоре всю долгую холодную ночь. Люди моего сборного взвода (многие в возрасте) мерзли. Чтобы согреться, прыгали, толкали друг друга, а в снежной полутьме мелькали вдалеке тени. Выходили из окружения остатки немцев. Мы давали очередь-другую, иногда посылала снаряд батарея, в которой

остались два орудия, оба поврежденные.

Утром нас накормили, а к полудню дали приказ возвращаться в часть. Из шестидесяти человек у меня осталось менее тридцати. Хоронила погибших специальная команда.

В марте сорок пятого года я был назначен помощником командира разведвзвода 120-го стрелкового полка 69-й Севской стрелковой дивизии. Принимали участие в боевых действиях на территории Германии, но особенно врезались в память бои на подступах к Праге. Шел май 1945 года. Покончил с собой Гитлер, был взят Берлин. Но немцы, особенно эсэсовские части, упорно тянули войну, пытаясь прорваться к нашим союзникам, где рассчитывали на снисхождение. Трагические события развернулись в Чехословакии, которая уже в основном была освобождена нашими войсками. Однако в стране и в Праге оставалась мощная немецкая группировка.

Пятого мая началось народное восстание в Праге. Я позволю себе привести некоторые цифры из исторических источников. В восстании прямо или косвенно участвовала почти вся взрослая часть населения чехословацкой столицы. В ночь с 5 на 6 мая на улицах были воздвигнуты 1600 баррикад, которые защищали 30 тысяч человек. Защитники Праги испытывали сильнейшую нехватку оружия и боеприпасов. Седьмого мая положение восставших стало критическим. Немецкие танки, разбивая баррикады, продвигались к центру города. Эсэсовцы словно не понимали, что война уже проиграна.

Расстреливали всех подряд, в том числе заложников, которых выгоняли из домов и убивали под их собственными окнами. Чешское радио постоянно передавало сообщение, что Прага сражается, но требуется срочная помощь, иначе город и население будут уничтожены.

Четвертым Украинским фронтом, в который входили наш полк и дивизия, командовал генерал армии А. И. Еременко, решительный и энергичный военачальник, воевавший в Сталинграде. Колонны советских войск по горным и лесным дорогам шли в сторону Праги. Без нужды старались не ввязываться в бои с многочисленными немецкими частями, пробивавшимися по всем дорогам и через леса на запад. Прага! Вот была цель, которая стояла перед нами. Но по пути шестого — девятого мая приходилось часто вступать в бои, чтобы пробить путь.

Разведка, как всегда, двигалась впереди. Транспорта хватало, мы захватили много трофейных машин и мотоциклов.

Вспоминается, как меня вызвал командир полка и приказал проверить один из городков, откуда не вернулась разведгруппа.

Мы сразу же выехали на двух трофейных машинах. Уже при въезде в городок нам замахали местные жители, стали рассказывать, что наших разведчиков «побили немцы», и проводили к месту боя.

Шли последние дни войны, и гибель товарищей воспринималась особенно болезненно. Я увидел два мотоцикла (один сгоревший) и четыре трупа разведчиков. По ним открыли огонь, когда они въехали в городок. Стреляли из пулемета и нескольких автоматов. Находившийся в коляске сержант, командир отделения, так и остался сидеть в сгоревшем мотоцикле. Тело было сожжено до костей. Опознали его по часам и закопченным наградам. Как ни странно, в кармане несуществующей гимнастерки сохранились документы. Но когда я взял их в руки, они рассыпались в пепел. Нападение оказалось внезапным. Лишь один из разведчиков успел выскочить, дать ответную очередь. Его тело, изрешеченное пулями, лежало на тротуаре у стены здания. Кобура для ракетницы была пуста, возможно, он пытался подать сигнал опасности, но не успел. Его ракетницу и автомат немцы унесли с собой.

У нас не было времени даже похоронить ребят. Я забрал документы и награды погибших. Попросил одного из чехов, с красной повязкой на руке и звездочкой на пилотке, похоронить ребят неподалеку на площади. Он согласно закивал и попросил, чтобы я написал их имена и даты рождения. На листке бумаги я быстро набросал короткий текст, примерно такого содержания: «Здесь геройски погибли в бою за освобождение Чехословакии советские воины…» и перечислил фамилии.

Вернувшись, доложил командиру полка о случившемся. Немецкий отряд численностью около батальона, ночевавший в городке, сразу покинул его и двинулся на запад. Продолжали быстрое движение и наши колонны. Темп марша на Прагу был стремительным. Командование торопило: «Ваша цель — Прага, не задерживайтесь ни на час». Машины шли без остановок, хотя в селах и городах путь преграждали сотни людей с цветами, бутылками вина. Кругом висели национальные флаги и флаги красного цвета с серпом и молотом. Встречали нас очень тепло. Так как мы не останавливались, на ходу передавали еду, вино.

Были и другие встречи. С отрядами немцев, которых мы нагоняли. Танки с ходу открывали огонь, мы стреляли прямо из машин, заставляя немцев убегать в лес. На обочине горели подожженные, взорванные немецкие автомашины, бронетранспортеры. У нас появлялись погибшие и раненые. Так как мы очень спешили, то несколько раз оставляли тяжело раненных на попечение местных жителей. Они сами просили об

этом, показывали свои партийные билеты, партизанские удостоверения. Да мы и так видели, как радуется всё население освобождению от восьмилетней немецкой оккупации. Мы верили им, и чехи заботились о раненых, передавая их затем шедшим позади медицинским ротам и санбатам.

О том, каков был темп нашего марша на Прагу, говорит и такой эпизод. Из леса нас обстреляли немцы. Получив отпор, отступили. Колонна, не задерживаясь, шла вперед. В одной из машин, рядом с нами, бойцы сидели очень плотно. Пуля попала одному из них в голову и убила наповал. Возможности остановиться не было, и погибшего бойца несколько часов везли стиснутого со всех сторон. Я видел, как выгружали на короткой остановке застывший в той же позе труп. Времени было в обрез. В несколько лопат быстро вырыли неглубокую могилу и сразу похоронили, обложив холмик сосновыми ветками. Таких могил по дороге на Прагу было много.

Уже перед Прагой произошел случай, в который могли и не поверить, не будь вокруг много свидетелей и полученный мною орден Славы III степени.

Мы ворвались на небольшую станцию. Она была сильно разрушена, горели вагоны, платформы с техникой. С одной из платформ сполз немецкий танк Т-4. По нему собрались открыть огонь, но так как немецкие танкисты не стреляли, я крикнул:

— Подождите! Я их живьем возьму.

Сейчас трудно сказать, что подтолкнуло меня на этот рискованный, да и, прямо скажем, безрассудный шаг. Конечно, захватить целый и невредимый немецкий танк вместе с экипажем всегда считалось подвигом. Однако такие вещи случались крайне редко. Немцы могли меня срезать пулеметной очередью и даже застрелить из пистолета.

Помню, я обежал танк сзади, крикнул, чтобы немцы сдавались. Танкисты пытались вырваться из лабиринта разорванных рельсов, глубоких воронок, опрокинутых платформ.

Они не открывали огонь, видимо, опасаясь, что наши ударят в ответ. Но я не питал иллюзий. Знал, если танк вырвется из узкого пространства разбитых железнодорожных путей, то вполне вероятно, сразу откроет огонь из своей длинноствольной 75-миллиметровой пушки и попытается прорваться. Тем более в передовой группе был всего один или два наших танка, а остальная техника: легкие бронетранспортеры, пулеметы, ему были не страшны.

Немецкий танк перевалил через один, другой путь, сдвинул с места мешавшую проехать платформу. Я вскарабкался на трансмиссию. Сразу завертелась башня, меня едва не смахнуло

пушкой.

Я мгновенно вскочил на башню. У меня имелся автомат, пистолет и две «лимонки». Гранаты в этой ситуации были бесполезны. Но перебить экипаж и зажечь танк очередями через смотровые щели мог вполне. Немцы это понимали не хуже меня. Я дал очередь вдоль брони, продырявил, смял торчавший пламегаситель пулемета и закричал, подбирая немецкие слова:

— Останавливайтесь и сдавайтесь. Иначе я открою огонь.

Танк проехал ещё метров семь и остановился. Изнутри крикнули, чтобы я не стрелял, немецкий экипаж сдается. Открылся боковой люк, на землю полетели пистолеты, автомат, а затем вылез с поднятыми руками экипаж, пять танкистов. Их увели, а умельцы уже сели за рычаги, проверили пушку.

Помню, что наспех замазали кресты и нарисовали несколько красных звезд, в том числе на крыше башни. Танк, с его сильным орудием и запасом снарядов, оказался не лишним в нашей передовой колонне. Какое-то время он участвовал в бою, посылая немецкие снаряды в своих бывших хозяев. А я был награжден орденом Славы, которым горжусь больше, чем остальными орденами и медалями.

Наша так называемая подвижная группа фронта прошла за последние сутки 200 километров и к вечеру 9 мая вступила в Прагу. Война была уже закончена, подписан акт о капитуляции, а в Праге ещё звучали выстрелы и гибли наши бойцы. Встречали нас, как и повсюду в Чехословакии, цветами и объятьями. Раздавались крики: «Наздар, дружба, русские братики!».

Так было. Я ничего не преувеличиваю и не умиляюсь. Кругом накрывали столы, передавали бутылки с вином и чешской сливовицей.

Какой-то парень в пилотке с красной лентой крикнул: «Ловите!» и бросил нам что-то вроде огромной гранаты. Мы жили ещё войной и едва не открыли огонь. К счастью, успели вовремя разглядеть и поймать двухлитровую оплетенную бутыль с чешской водкой. Обнимались, пили с чехами. Молодые девушки целовали нас. А после, когда напряжение спало, с этой двухлитровой бутылкой произошел небольшой конфуз. Мы сели перекусить и всем отделением незаметно прикончили её. Дарили её нам от души, поэтому и шла водка легко. Сказалось напряжение последних дней, бессонный марш. Мы заснули и проспали целую ночь. Нас охраняли жители Праги.

Тогда на это смотрели нормально. Все праздновали освобождение Праги и нашу Победу. За столы садились по сотне и больше человек. Поднимались тосты за Победу, за Сталина, за советско-чехословацкую дружбу.

Пройдет двадцать три года, и я увижу по телевизору совсем другую картину. Снова наши танки на улицах Праги, но уже совсем другие лица пражан. «Русские, убирайтесь домой!» И выстрелы в спину с чердаков и из окон.

Я не берусь судить о политике. Возможно, мы делали что-то не так. Мой рассказ о войне. Я думаю, что жители бывшей Чехословакии, даже те, кто был в сорок пятом детьми, не забудут, как русские «братики» спасали Прагу. Эту память не уничтожишь, даже если снять с постаментов советские танки, освобождавшие в сорок пятом страну, и убрать их в запасники музеев.

Ну а мой рассказ подходит к концу. Я служил в Советской Армии до 1965 года. Ушел в отставку майором. До 1985 года работал директором кинотеатра. Женился в 1953 году. Жена, Нина Николаевна, тоже фронтовик, к сожалению, рано ушла из жизни.

Живу с дочерью, внуками. Пока есть силы, встречаюсь с ветеранами, вспоминаем военные годы. Это часть моей жизни, которая не забудется никогда.